

ГВЕНЦАДЗЕ Ц. А.

КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ФОНОТАКТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Вся история исследования фонетической эволюции языков, начиная с Р. Раска и Я. Гримма, является описанием фонетических изменений. Констатация фонетических изменений, попытки объяснить их со структурной, функциональной точки зрения или субстантивными факторами, попытки выявить универсальный характер изменений — составляют основное содержание исследований по диахронической фонетике и фонологии [1, 2]. Однако развитие языка — это не только его изменение, это и сохранение некоторых элементов. Проблема стабильности языковых элементов и категорий связана с общефилософской теорией сохранения предмета в его развитии [3]. Г. Хёнигсвальд пишет: «Разумно предположить, что в языке взаимодействуют две силы: одна из них всегда препятствует его изменению с целью сохранить возможность взаимопонимания между носителями языка, другая — более скрытая — действует в направлении изменения языка, и притом весьма ощутимым образом» [4, с. 81]. Эта последняя и является обычно объектом, привлекающим внимание лингвистов, которые задаются вопросом: каким образом и почему изменяются те или иные языки? Однако вполне правомерна постановка и другого вопроса: каким образом элементы языка остаются неизменными и почему? На второй вопрос дается самый общий ответ: «Необходимость поддержать понимание между поколениями препятствует слишком быстрому или слишком серьезному изменению языка» [5, с. 7].

Вопрос, который мы поставили в самом общем виде, нуждается в уточнении. Его следовало бы сформулировать следующим образом: какие элементы в языке, в частности, в его фонетической системе, обладают такой степенью стабильности, что в течение довольно долгого времени могут препятствовать изменению языка? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим подробнее различные концепции изменчивости и неизменчивости языка.

Мы не случайно употребили термины «изменчивость» и «неизменчивость». Раскрытие этих терминов (*immutabilité* и *mutabilité*) принадлежит Ф. де Соссюру, а сама эта дихотомия анализируется им в применении к языковому знаку, а не к языку в целом. Видимо, это последнее обстоятельство и отодвинуло эту дихотомию на второй план по сравнению с дихотомией «синхрония — диахрония», «тождество — различие» и т. д. Говоря об изменчивости и неизменчивости знака, Ф. де Соссюр по существу приводит причины, препятствующие изменению, которые относятся к языку в целом. Это — произвольность знака, множественность знаков, необходимых для образования любого языка, слишком сложный характер системы, сопротивление «коллективной косности» всякому лингвистическому новшеству [6, с. 81—87]. Ф. де Соссюр не разграничил определенным образом область действия этой дихотомии. Видимо, она реализуется как в диахронии, так и в синхронии.

Думается, что идея А. Мартине о динамической синхронии связана с дихотомией «изменчивость — неизменчивость» языка [7, с. 5—10]. В каждом данном состоянии системы наблюдаются элементы, которые имеют тенденцию к исчезновению из языка и, наоборот, элементы, находящиеся в процессе становления. Наряду с ними существуют элементы стабильные, в настоящий момент устойчивые. А. Мартине пишет: «В какой

бы части структуры ни происходили языковые изменения, в лексике, синтаксисе, морфологии или фонологии, они всегда, если и не полностью детерминированы, то по крайней мере всегда контролируемы необходимостью для языка обеспечивать коммуникацию между говорящими. Таким образом, нет никакой несовместимости между структурой и эволюцией» [7, с. 7]. В динамической синхронии, по словам А. Мартине, внимание исследователя сконцентрировано на одном языковом состоянии, но это не значит, что следует отказаться от выявления вариантов и указания на характер фактов языка. Авторы «Общего языкознания» указывают: «Развитие языка протекает поэтому как борьба двух противоположных тенденций — за сохранение и стабилизацию существующей системы языка, с одной стороны, и за ее адаптацию, преобразование, совершенствование, с другой. Объективное существование двух этих разнонаправленных тенденций ярко отражено в таком явлении, как в а р ь и р о в а н и е [8, с. 200].

Борьба за сохранение и стабилизацию языка может быть выражена в форме нормирующей деятельности и языковой политики, но тенденция к сохранению определенных элементов проходит неосознанно в говорящем коллективе, особенно в те периоды, когда еще не сформировались нации и национальные языки. Примером может служить эпоха формирования романских языков.

В последнее время в языкознании все чаще употребляются термины «константность», «константы», но содержание этих терминов у разных исследователей различно. Эти термины обычно соотносятся с терминами «вариативность», «варьирование» [9—13]. Раскрытие содержания этих терминов представляется существенным для изучения языков как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Впервые теория константности и вариативности фонетической системы была предложена Г. П. Торсуевым [9]. Эти термины были использованы им для обозначения дихотомии, отражающей существенные свойства языка, которые проявляются на всех уровнях языковой системы. Основным положением теории Г. П. Торсуева является идея о взаимодействии и взаимообусловленности этих двух тенденций, которые проявляются как в синхронии, так и в диахронии и относятся как к отдельному явлению языка, так и к языковой системе в целом.

Изучая фонетическую систему языка, Г. П. Торсуев дает обоснования вариативности в этой области. Он выделяет четыре аспекта вариативности: 1) органический, 2) структурный, 3) стилистический, 4) диалектный. «В каждом из ее названных аспектов вариативности противостоит как структурный принцип константность, обеспечивающая функциональную тождественность артикуляторно-фонетически варьировующихся единиц и структур, обусловленную тождеством значимых единиц и необходимостью в непрерывности и преемственности в функционировании и развитии языка» [9, с. 4].

Принципы константности и вариативности могут служить опорой в исследовании территориальных вариантов одного языка или анализе развития родственных языков. Г. В. Степанов в [10, с. 7], анализируя испанский язык в Латинской Америке, сосредоточивает свое внимание на языковой вариативности. Он пишет: «Специфика сравнительного анализа разновидностей (вариантов) единого языка состоит, в частности, в том, что в результате отбора из рассмотрения исключаются все факты „совпадений“, т. е. элементы, составляющие основной корпус языка». При исследовании территориальных вариантов к идее константности имплицитно добавляется мысль о том, что данные стабильные элементы являются общими для территориальных вариантов, подтверждая тем самым их генетическое единство.

По мнению Г. В. Степанова, исследование вариативности приводит к двум важным методологическим выводам: 1) ... «именно изучение результатов языковой вариативности (синхрония) предполагает использование эволюционных идей и концепций. Синтез синхронного и исторического подходов обеспечивает изучение структуры в единстве с процессом

изменения»; 2) «возможность установления степени стабильности элементов ряда „система — норма — речь — узус“, строение которого характеризует движение от высшего уровня к низшему» [10, с. 200].

Тезис о степени стабильности/лабильности может быть применен и в пределах каждого из элементов того или иного языкового ряда. Так, в фонетической системе языка можно поставить вопрос о степени стабильности/лабильности ее составляющих, а именно — консонантизма, вокализма, фонетической структуры слога и т. д. Выявление степени стабильности языковых фактов является существенным для диахронического исследования как одного языка, так и группы родственных языков.

Нам представляется, что факты языка, имеющие большую степень стабильности и сохраняющиеся в течение долгого периода в языке (или родственных языках), могут быть названы диахроническими константами. Такая точка зрения, однако, не является единственно возможной трактовкой данного термина. М. М. Гухман дает определение диахронических констант в типологии как «однонаправленных изменений, обладающих определенной частотностью и узуальностью, совершающихся к тому же в языках, не связанных между собой ни генетическим родством, ни принадлежностью к одному и тому же ареалу» [13, с. 45].

М. М. Гухман четко разграничивает диахронические константы и диахронические универсалии, а также фреквенталии, идея которых была разработана Б. А. Серебрянниковым [14]. М. М. Гухман справедливо отмечает, что «полные диахронические универсалии — это основные положения историко-материалистической теории развития языка» [13, с. 45]. И далее: «...в отличие от диахронических универсалий диахронические константы моделируют такие общие, однонаправленные процессы, которые не обладают достоверной универсальностью, но характеризуются лишь определенной частотностью, узуальностью» [13, с. 56]. Важным является положение о том, что учитываются реальные модификации осуществления диахронических констант в конкретных языках, раскрывается соотношение общего и индивидуального. При этом общее содержание однонаправленных процессов является и н в а р и а н т н ы м. По мнению М. М. Гухман, фреквенталии, в отличие от диахронических констант, «не соотносены с типологической дифференциацией языков и с типологически маркированными процессами» [13, с. 57].

Но процессы изменения — это не единственные процессы в языковом развитии. Им всегда противостоят процессы сохранения некоторых элементов. Процессы модификации в одной области системы компенсируются консервацией в другой: «В этом отношении обращает на себя внимание контрастная характеристика ассимилятивных явлений в системе германских гласных и согласных фонем: значительной устойчивости согласных фонем противопоставляется исключительная вариативность и подверженность различным ассимилятивным процессам всей системы гласных фонем» [15, с. 71].

В романских языках также наблюдаются стабильные и нестабильные комплексы согласных. Так, латинский инициальный комплекс «согласный + сонант *l*» во французском языке сохраняется, в то время как в итальянском языке трансформируется в группу «согласный + *j*». Неизменными остаются комплексы согласных, вторым компонентом которых является сонант *r*. Ср. следующие примеры:

	латинский	французский	итальянский	испанский
[br]	<i>bronus</i> <i>beryllus</i> (вульг. лат. <i>brigliare</i>)	<i>bronche</i> <i>briller</i>	<i>branco</i> <i>brillare</i>	<i>bronco</i> <i>brillar</i>
[gr]	<i>gratus</i> <i>grossus</i> <i>granum</i>	<i>gré</i> <i>gros</i> <i>grain</i>	<i>grado</i> <i>grosso</i> <i>grano</i>	<i>grado</i> <i>grueso</i> <i>grano</i>

[fr]	<i>fregare</i> (вульг. лат. <i>fricare</i>)	<i>frayer</i>	<i>fregare</i>	<i>fragar</i>
[tr]	<i>trifolium</i> <i>trahere</i> (вульг. лат. * <i>tractiare</i>) <i>tribula</i>	<i>trèfle</i> <i>tracer</i> <i>tribler</i>	<i>trifoglio</i> <i>tracciare</i> <i>trebbia</i>	<i>trèbol</i> <i>trazar</i> <i>trillo</i>

Аналогичными являются наблюдения Е. Куриловича над индийским и греческим языками [16].

Приведенный материал свидетельствует о том, что в языках обязательно есть элементы стабильные и нестабильные. Так, в романских языках стабильными элементами, сохранившимися со времени классической латыни, выступают, в частности, начальные комплексы из двух согласных, вторым компонентом которых является сонант *r*. Такими инициальными консонантными комплексами остаются группы *br-*, *gr-*, *fr-*, *tr-*. Эти элементы, по нашему мнению, и следует обозначить как диахронические константы или, точнее, — строгие диахронические фонотактические константы.

Параллельно наблюдается некоторая нерегулярность начальных консонантных соответствий в латинском и романских языках. В подавляющем большинстве случаев в романских языках инициальные консонантные группы («согласный + *r*») сохраняются, однако иногда имеет место озвончение первых элементов начальных комплексов. Приводимые ниже языковые факты (соответствия) можно рассматривать как нестрогие диахронические фонотактические константы. Так, латинский начальный комплекс *pr* в важнейших романских языках — французском, итальянском и испанском — часто сохраняется и иногда имеет в качестве коррелята озвонченный вариант *br* (реже для французского языка, чаще для испанского). То же самое относится к начальной консонантной группе *kr*, имеющей соответствия в перечисленных романских языках (чаще *kr*, реже *gr*). Последнее также в основном характерно и для испанского языка.

	латинский	французский	итальянский	испанский
[pr]	<i>praehibenda</i> <i>prunus</i>	<i>prèbende</i> <i>brugnon</i>	<i>prebenda</i> ¹¹ <i>brugna</i>	<i>prebenda</i> <i>bruno</i>
[kr]	<i>credere</i> <i>crassus</i> (вульг. лат. <i>grassus</i>) <i>cretam</i>	<i>croire</i> <i>gras</i> <i>craie</i>	<i>credere</i> <i>grasso</i> <i>creta</i>	<i>creer</i> <i>graso</i> <i>greda</i>

В рассмотренных случаях опорным согласным является второй компонент комплекса *r*, т. к. именно с ним сочетается определенный набор инициальных согласных: *p — b*, *k — g*, *t, f*. В других случаях опорным выступает первый согласный *s* в инициальных консонантных сочетаниях *s + p, t, k, m*. При этом нерегулярное общероманское озвончение *pr > br*, *kr > gr*, *sk > sg*, несмотря на разнохарактерность консонантных комплексов, может быть объяснено однопорядково: озвончается тот согласный, который выступает совместно с опорным согласным, независимо от того, является он первым или вторым.

В то же время в романских языках наблюдаются и те процессы, о которых пишет М. М. Гухман. Иначе говоря, устойчивостью (диахронической константностью) могут обладать и процессы изменения. Переход начальной консонантной группы *tl* в *kl* имел место в архаической латыни. Через несколько столетий в поздней латыни благодаря синкопе снова возникает инициальный комплекс *tl*, который снова трансформируется в *kl*. В начале II в. в латинском языке протекал процесс, характерный и для последующих романских языков: образование протетического гласного при определенных условиях. Эта потенция; — образование/необразование протетического гласного — отражена в полной мере романскими языками не только в процессе их исторического развития, но и свойственна многим

ранним (иногда и поздним) заимствованиям и релатинизированным формам, что свидетельствует о давлении системы конкретного языка на вновь появляющиеся языковые факты.

Итак, различаются статические и динамические языковые константы распространяющиеся, соответственно, на языковые факты и процессы. Среди диахронических констант различаются строгие и нестрогие соответствия. В первом случае речь идет о строгих диахронических фонотактических статических и динамических константах, во втором — о нестрогих диахронических статических и динамических константах.

М. М. Гухман подчеркивает: «...в построении диахронических констант (за немногими исключениями) ведущая роль принадлежит и н в а р и а н т н ы м (разрядка наша. — Г. Ц.) тенденциям» [13, с. 242]. Представляется существенным сопоставление и разграничение оппозиций «инвариантность/вариативность» и «константность/вариативность». В основе различия этих оппозиций находятся две разные концепции о сущности языка. Первая оппозиция (инвариантность/вариативность) базируется на определении языка как системы абстрактных единиц, реализация которых происходит в вариантах, представленных в речи. Эта оппозиция восходит к дихотомии Ф. де Соссюра «язык/речь». Инвариантными считаются общие свойства, особенные свойства — вариантными. Инвариант и его вариант связаны отношением репрезентации [17, с. 48]. Вторая оппозиция основывается на определении языка как системы вариантов (временных, пространственных, социальных), которые обеспечивают полифункциональную деятельность языка. Это направление представлено прежде всего работами Г. В. Степанова [18, 19, 10].

Г. В. Степанов пишет: «Однако любой лингвист должен отдавать себе отчет в том, что он описывает под названием языка и как следует описывать избранный объект. Мысль о том, что изменение присуще самому существованию языка и что вариантность (гетерогенность) является одной из очевидных и бесспорных особенностей реального („исторического“) языка, высказывалась неоднократно представителями различных школ и направлений. Однако в большинстве работ как теоретического, так и описательного характера исследователь оперирует языковым материалом как однородным объектом, что, несомненно, упрощает лингвистическую действительность. При таком подходе конкретный язык либо идеализируется целиком, т. е. весь превращается в инвариант фонетического и графического языка, либо редуцируется до идеального говорящего-слушающего, либо даже такой конкретный фрагмент языка, как диалект, превращается в абстрактную единицу (в структуральной диалектологии) [19, с. 148—149].

В синхроническом аспекте оппозиция «константность — вариативность» находит свое воплощение в концепции динамической синхронии. Развивая положения А. Мартине о динамической синхронии, М. Мамудян [20] связывает константность/вариативность с уверенностью и неуверенностью говорящих в различении отдельных элементов языковой системы. Так, парижанин четко различает отрезки *aimé* [eme] и *ainé* [ene], но колеблется в определении фонемы, когда ему предлагается различить отрезки [penje] (*vous peinez*) и [peñe] (*vous peignez*). Наблюдения над речью показывают, что большинство говорящих во втором случае произносят [nj] и лишь небольшой процент носителей языка различает [ñ] и [nj] в интервокальном положении. Палатальный сонант [ñ] еще включен в систему языка, но его положение нестабильно, и говорящий колеблется в случае опознавания звукового сегмента. М. Мамудян предлагает выделить две зоны в системе языка, в зависимости от их проявления в системе коммуникации: 1) зона уверенности, где языковые факты к о н с т а н т н ы и четки в сознании говорящих; они сразу же распознаются и понимаются. По мнению автора, они составляют верх языковой иерархии и необходимы для установления коммуникации; 2) зона колебаний (неуверенности), где языковые факты неясны в сознании говорящих и в а р и а т и в н ы в употреблении; их понимание может быть затруднено. Они составляют низ языковой иерархии, их коммуникативная роль

менее значительна. Эти две зоны являются полярными и между ними располагается целая шкала элементов с различным соотношением константности и вариативности [20, с. 13—14]. М. Мамудян связывает оппозицию «константность и вариативность» с идеей центра и периферии языковой системы [22]. И в центре, и в периферии как внутренней, так и внешней системы языка языковое варьирование совершенно обязательно. Однако и степень вариативности, и ее формы и причины могут быть различными.

На определенном этапе существования языка вариативность обусловлена различными факторами [9, 14]. Подчеркнем, что даже в синхронном рассмотрении оппозиция «константность/вариативность» не аналогична и не равнозначна оппозиции «инвариантность/вариативность».

По нашему мнению, в лингвистике наблюдаются два ряда оппозиций. Один ряд — это оппозиции «язык/речь», «инвариантность/вариативность», «тождество/различие», «общее/индивидуальное». Другой ряд — это оппозиции «изменчивость/неизменчивость», «константность/вариативность», «стабильность/лабильность». К этому же ряду относятся оппозиции «синтагма/диастрагма» и «синтопия/диатопия», «синхрония/диахрония».

В диахроническом аспекте, как уже указывалось выше, константность и вариативность могут быть рассмотрены как в плане отдельных элементов системы, так и в плане системы в целом. В этой плоскости следует также провести разграничение между оппозициями «константность/вариативность» и «инвариантность/вариативность».

Как известно, инвариант как абстрактная единица существует только в своих вариантах и через них представлен в речи. Известно также, что варианты подразделяются на два типа: свободные и комбинаторные. При анализе развития языка ведущая роль отводится обычно свободным вариантам как необусловленным окружением и менее стабильным. Комбинаторные варианты считаются более стабильными. Е. Косериу называет их «инварианты нормы». Способ их реализации обязателен для всех носителей языка. В качестве примера довольно часто приводится произношение целевых *d* и *ð* в интервокальном положении в испанском языке [21, 22]. Однако наблюдения над территориальными вариантами испанского языка в Латинской Америке показывают, что эти варианты подверглись существенным изменениям. Этот факт объясним двояким образом. Первое возможное объяснение состоит в том, что при наложении языка на новый субстрат степень стабильности комбинаторных вариантов уменьшается, что наблюдалось при образовании романских языков. Второе объяснение состоит в том, что существуют два вида комбинаторных вариантов: одни обусловлены предшествующим историческим развитием, но по существу не обусловлены окружением в синхронном плане, другие — синхронные комбинаторные варианты, действительно обусловленные артикуляторными характеристиками окружения. Из этого следует, что исторически сложившиеся комбинаторные варианты в плане стабильности ничем не отличаются от свободных вариантов.

Рассмотрение вариантов какой-либо единицы показывает разницу в оппозициях «инвариантность/вариативность» и «константность/вариативность». Видимо, константность проявляется на уровне определенного типа комбинаторных вариантов. Здесь мы вновь возвращаемся к вопросу, который поставили вначале: какие элементы в языке обладают такой степенью стабильности, что являются константными в течение довольно длительного периода развития языка? Итак, на уровне отдельных элементов таковыми являются определенные типы комбинаторных вариантов. Однако анализ комбинаторных вариантов — это по существу рассмотрение структуры слога, т. е. фонотактический аспект. Этот аспект представляется очень важным и интересным при трактовке оппозиции «константность/вариативность». Следует отметить, что фонотактические исследования в системном плане начали проводиться сравнительно недавно (см. библиографию в [23]). В основном эти исследования осуществлены на материале германских и некоторых славянских языков в синхронном плане. Мы считаем плодотворным фонотактический анализ не только на синхронном срезе языка, но и в диахронии и в типологии. Представляется

также возможным выдвинуть гипотезу о существовании фонотактического типа языка и продемонстрировать в языковой эволюции романских языков действие оппозиции «константность/вариативность». На важность изучения фонотактики указывал еще Ф. де Соссюр, который писал: «В одном отношении метод современной фонологии особенно недостаточен; упускается из виду, что в языке имеются не только звуки, но и сочетания произносимых звуков; не уделяется еще достаточно внимания их взаимоотношениям. Между тем нам первично дан не отдельный звук; слог дан более непосредственно, чем составляющие его звуки» [6, с. 65].

Фонотактика как раздел фонологии предполагает изучение сочетаемости фонем, определение правил построения последовательностей фонем, описание типов слогов, а также фонетической структуры слова. Фонотактическая структура слова предполагает изучение: а) сочетаний гласных и согласных в пределах слога; б) сочетаний согласных, правил образования групп согласных в пределах слога; в) сочетаний групп согласных с гласными; г) распределения согласных и гласных относительно начала и конца слога; д) распределения групп согласных относительно начала и конца слога. Изучение фонотактической структуры слова требует рассмотрения: а) распределения гласных относительно начала слова; б) распределения согласных относительно начала слова; в) распределения групп согласных относительно начала и середины слова; г) правил членности групп согласных в интервокальном положении, отношения групп согласных к способу образования слова.

Работы Н. С. Трубецкого, Б. Трнки, Е. Куриловича свидетельствуют о значимости фонотактических исследований для диахронической фонологии. От фонотактических факторов зависит функциональная нагрузка отдельных фонем. Чем ограниченнее дистрибуция фонемы, тем меньше ее функциональная нагрузка. Фонотактический анализ оказывается плодотворным и при изучении морфологической структуры языков и ее развития [4, 25]. Так, например, степень стабильности начальных фонотактических комплексов в слове или, напротив, конечных связана с морфологическим типом языка.

Интересно отметить, что фонетическая субстанция может подвергнуться изменению, а фонотактическая модель остаться стабильной. Так, в сочетании начальных комплексов из двух согласных (смычный + *R*) в современных романских языках *R* имеет различную фонетическую природу, но фонотактическая модель стабильна по отношению к латыни.

В фонотактическом типе можно выделить компоненты, обладающие различной степенью стабильности. Степень стабильности согласных комплексов зависит от элементов, входящих в их состав, от количества элементов, от позиции группы согласных в слове. Установление степени стабильности необходимо для того, чтобы можно было, как пишет Г. Хёнигсвальд, «сделать некоторые прогнозы относительно характера перемещений языковых элементов низкого уровня — фонем и морфов — в позициях, где они способствуют неизменности языка (разрядка наша. — Г. Ц.), и в позициях, где они способствуют возникновению структурных инноваций» [4, с. 86].

Хотя при исследовании фонологических систем указывается на существование устойчивых и неустойчивых элементов, основное внимание всегда обращено на элементы неустойчивые, т. е. подверженные изменениям. Лишь иногда вскользь упоминается о характере элементов, которые более стабильны. Так, Г. Хёнигсвальд пишет: «...фонема, возникшая в результате слияния, теперь, по-видимому, представляет собой наиболее устойчивый элемент выведенной из равновесия подсистемы»... [4, с. 93]. А. Ю. Степановичус утверждает, что «устойчивость фонем во многом зависит от того, какова фонетическая природа их ДП. Наблюдения над изменениями, притом в самых разных языках, позволяют выделять более или менее сильные (устойчивые) признаки и их сочетания. Так, есть основания полагать, что в системе шумных среди локальных признаков апикальная артикуляция слабее предъязычной, а дорсальная — самая слабая из всех. Сходным образом для согласных слабыми нужно считать признаки палатальности,

велярности, увулярности и фарингалности. В системе гласных слабыми следует считать открытые гласные [25, с. 14, см. также 26]. Б. А. Се-ребренников пишет: «Во всех языках плавные и носовые отличаются относительно большей устойчивостью по сравнению со всеми другими типами согласных. Хорошо сохранились праязыковые плавные и сонанты в индоевропейских языках» [14, с. 156]. А. Ю. Степонавичюс связывает степень стабильности фонем с их участием в продуктивных типах чередований. По мнению А. Мартине, наиболее устойчивой является система, все гласные которой включены в корреляции и пучки. Однако автор сразу же уточняет, что «поскольку не все артикуляторные сочетания равноценны, наиболее „гармоничные“ системы далеко не всегда являются самыми экономичными и самыми устойчивыми» [27, с. 130]. А. Мартине совершенно справедливо утверждает, что полная устойчивость системы является недостижимой. К этому следует добавить, что существование полностью устойчивой системы противоречило бы основным существенным свойствам языка — константности и вариативности.

Следует отметить, что степень стабильности элементов можно определять по нескольким различным критериям. Один из критериев, который может быть назван *фонологическим*, достаточно четко сформулирован в работах А. Мартине. Сохранение элементов имеет место там, где есть значительная функциональная нагруженность, необходимость различения. По существу речь идет о сохранении противопоставления, оппозиций фонем. Другой критерий может быть назван *фонетическим*. Его основу составляет наличие в языках диафонического варьирования [9]. Сохранение элементов имеет место там, где степень диафонического варьирования минимальна. Третий критерий можно было бы назвать *фонотактическим*. Его основу составляет наличие в языках аллофонического варьирования, учета позиций элементов, их сочетаний в речевой цепи. При анализе отдельного элемента системы степень его стабильности должна определяться по всем трем критериям. Так, Э. А. Макаев утверждает, что в армянском и в германских языках «три ряда индоевропейских смычных: *bh, dh, gh, b, d, g, p, t, k* в антропофоническом отношении испытали значительные преобразования, но фонологическая релевантность трех рядов была сохранена» [28, с. 164—165]. Здесь уместно также вспомнить высказывание Р. Якобсона: «Мы уже указывали, что только при помощи интегрального метода возможно описать звуковое изменение. Необходимо исследовать, какие фонологические различия претерпели модификации, какие остались неизменными и каким образом функциональная нагрузка и употребление всех этих различий изменились» [29, с. 218].

Положение о константности/вариативности и степени стабильности элементов может найти применение в диахронической типологии. Системное рассмотрение развития языков предполагает не только учет общих тенденций изменения элементов, но и закономерностей сохранения определенных черт системы и структуры языка. Не является парадоксом то обстоятельство, что причины сохранения элементов по существу те же самые, что и причины изменений: это — субстантные, функциональные и структурные факторы [1, с. 6]. Диахроническими константами в типологии мы предлагаем называть общие элементы или черты структуры, обладающие большой степенью стабильности. Это могут быть фонологические оппозиции, особенности фонотактического типа, реже — сохранение фонетической субстанции. Думается, что исследование фактических данных родственных языков в этом плане может способствовать повышению точности методики сравнительной реконструкции более ранних общих языковых состояний.

Обычно элементы, которые сохранились от более ранних состояний, относятся к периферии языка. В этом случае говорят об архаизмах. Действительно, в диалектах сохраняются архаические фонетические явления (ср. исп. диалектн. *feito, estreito*, в то время как в литературном испанском находим *hecho, estrecho* [30, с. 178]).

Следует различать архаизмы и диахронические константы. Это соот-

носятся с пониманием центра и периферии различных уровней языковой системы. В области внешней системы языка периферийными элементами можно считать диалекты и, следовательно, диалектные фонетические явления. Периферийные архаические явления этого плана нельзя считать диахроническими константами, ибо в общенациональном языке мы имеем их более поздние модификации. Диахроническая константа должна проследиваться вплоть до настоящего времени. Диахроническая константа не связана с периферийными явлениями. Напротив, стабильные элементы характеризуют центр системы [31].

Нельзя согласиться с мнением Е. Куриловича, что для реконструкции имеют значение лишь характерные инновации [32]. Именно в том случае, если мы будем классифицировать диахронические константы по их типам, можно развить динамическую теорию реконструкции, где не только будут разграничены константные и вариативные явления и процессы, но и будет показана их тесная взаимосвязь, их сбалансированность в эволюции языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плоткин В. Я. Эволюция фонологических систем. М., 1982.
2. Hagège Cl., Haudricourt A. La phonologie panchronique. Paris, 1978.
3. Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970.
4. Хёнигсвальд Г. Существуют ли универсалии языковых изменений? — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
5. Derooy L. Néologie et néologismes: essai de typologie générale. — La banque des mots, 1971, № 1.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
7. Martinet A. Evolution des langues et reconstruction. Paris, 1975.
8. Общее языкознание. М., 1970.
9. Торсуев Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе. М., 1977.
10. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979.
11. Семантическое и формальное варьирование. М., 1976.
12. La linguistique, 1980, v. 16; № 1: Constance et variations.
13. Гулман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
14. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
15. Сравнительная грамматика германских языков. Т. II. Фонология. М., 1962.
16. Курилович Е. Вопросы теории слога. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
17. Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
18. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
19. Степанов Г. В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976.
20. Mahmoudian M. Structure linguistique; problème de la constance et des variations. — La linguistique, 1980—1981, v. 16.
21. Coseriu E. Sistema, norma e «parola». — In: Studi linguistici in onore Vittore Pisani. Т. I. Brescia, 1969.
22. Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
23. Беляевская Е. Г. Фонотактические модели английского языка и возможность их применения в автоматическом распознавании: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1975.
24. Рождественский Ю. В. О некоторых предпосылках флексии и изоляции. — В кн.: Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1964.
25. Степановичус А. Ю. Диахроническая фонология и проблемы древнеанглийского вокализма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1977.
26. Foley J. Foundations of theoretical phonology. Cambridge, 1977.
27. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
28. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
29. Jakobson R. Principes de phonologie historique. — In: Jakobson R. Selected writings. I. The Hague—Paris, 1971.
30. Шишмарев В. Очерки по истории языков Испании. М.—Л., 1941.
31. Mahmoudian M. La linguistique. Paris, 1982.
32. Курилович Е. О понятии передвижения согласных. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.